

- Поставь мое, законно заработанное кровью и серебром, имущество на положенное ему по предусмотрению место и, будь добр, присаживайся.

Полы шатра уже не колыхались, а Плеть сидел на одной из подушек, в странной позе, отведя колени в стороны и спрятав ноги под себя. Привычной трубки в его руках не было, зато был шланг от странной конструкции. В чаше, венчающей верх конструкции, что то дымилось, распространяя по шатру приятный запах свежих трав, в которых легко узнавались мята, тмин, и ядреный табак.

Дым стоял едкий, не заметить его было невозможно. В позе работорговца же не ощущалось напряжения, а его глаза слегка блестели.

Оставалось только гадать сколько именно времени он наблюдает за Тисом.

- Когда ты рыча, валялся в песке и грязи, ты не казался мне таким стеснительным. - Плеть кивнул замершему Тису на место напротив. - Садись, не порти о себе впечатление, нарушая законы гостеприимства. Это, знаешь ли, не располагает к диалогу. Чувствуй себя комфортно.

Тис с недоверием покосился на работорговца, затем на предложенное место. Ему ужасно не хотелось садиться настолько близко к добродушно улыбающемуся мужчине, от которого стойко веяло совсем не добродушной опасностью.

Однако пререкаться было бессмысленно, а бежать поздно и глупо, поэтому Тис послушно, но не сводя глаз с рук мужчины, уселся на подушку, попытавшись повторить позу будущего собеседника. Вышло удивительно просто.

- Эта манера сидеть принадлежит знатным вакхабитам и зажиточным халифатцам, но сидят они на коврах. Подушки же, это привычка Альвов. Эти лицемеры знают толк в интригах и комфорте. - работорговец затянулся и выпустил струйку плотного дыма - Я беру от каждой культуры то, что мне нравится, не взирая на предвзятости и чужое мнение. Получается очень необычно и крайне удобно. Что думаешь?

Тис ничего не ответил, но работорговцу, кажется, ответ был и не нужен.

- Знаешь, а ведь если бы ты был обычным человеком, которым хочешь казаться, то сидеть так, с непривычки, тебе было бы не удобно. Сложить по халифатски ноги с первого раза, да ещё не заерзав, не поправив подушку, да вообще не пошевелившись! И с таким невозмутимым лицом смотреть мне прямо в глаза. Поразительно.

Мальчишка напрягся, не понимая к чему все идёт.

- Твои уши. - Коротко кинул работорговец.

Тис неосознанно коснулся острого, зарубцевавшегося кончика уха.

- Это они с тобой так? - Работорговец качнул головой в сторону выхода.

Не пришлось долго думать кого он имеет ввиду. Скулы Тиса слегка дернулись и Плеть, заметив это, не стал дожидаться ответа.

- Поразительная, граничащая с безумием, жестокость.

Работорговец снова затянулся и протянул Тису трубку, но заметив полное безразличие гостя,

положил ее на край губ.

В чаше забурлило, из ноздрей мужчины вырвались струи серого дыма. Вопреки ожиданиям, в этот раз дым не рассеялся по комнате, отнюдь, мелькнув искоркой дара, он собрался в плотное облачко, которое опустилось на стол и собралось в две туманные фигуры.

- Я не имею права делать из себя святого и перед всеми богами, будь они свидетелями, заявляю, что им не являюсь, не являлся и претворяться таковым мне не позволит то слабое подобие чести, что у меня осталось. Я натворил много того, за что меня ненавидят. Был беспощаден, глух к мольбам и неприклонен, убивая разумных.

Первая фигура ловко ударила под колено второй, из-за чего та упала и тут же лишилась головы.

Тис с любопытством и опаской поглядывал за представлением балванчиков, в неосязаемой груди которых билось несуществующее, прозрачное, почти невидимое сердце дара, но не забывал краем глаза следить за руками ищущего.

- Я был жесток, пытая пленных.

Дымовая иллюзия дрогнула, меняя декорации. В этот раз один из болванчиков трепыхался на столе со связанными над головой руками, второй стоял рядом. Пара секунд затишья и в руках палача появился тонкий сгусток дыма, напоминающий иглу. Ее острый кончик словно тянулся к своей жертве, желая поскорее пронзить плоть. Долго ждать не пришлось. Игла соскочила с пальцев палача, глубоко погружаясь в глазницу жертвы. Пленник затрепыхался и с открытым ртом забился в конвульсиях. Звука не было, но живая фантазия Тиса

старательно воспроизвела услышанный когда то прорзительный крик.

- Возможно в чем то даже наслаждался. - Лица фигур было не различить, но гримаса палача, искривилась в широкой улыбке. - Но при всем это, я никогда не плевал ложью в лицо разумным, никогда не строил из себя жертву, стоя над поверженным врагом и никогда, никогда не делал ничего лишь ради наслаждения, только то в чем была необходимость.

- Обо мне могут рассказать много плохого, местами отвратительного, при большом желании и упоминании всех грехом, в том числе чужих, из меня слепать дьявола. - Дым слился воедино и образовал нечто, с рогами на голове, когтями венчающими пальцы, острым лицом и хлестким хвостом, похожим на толстую розгу. В сочетании с никуда не пропавшей улыбкой, смотрелось это жутко. - Меня боиться даже собственная кодла, но ни один из них, не назовет меня лжецом.

Снова забулькала вода в колбе. Работорговец наполнял лёгкие новой порцией дурмана, а дым от старой разлился по поверхности стола туманным маревом, потеряв поддержку дара.

- Говоря о себе столько времени, я нарушаю все мыслимые правила хорошего тона, ты уж прости. В любом случае ты не примешь мои слова за чистую монету, однако, если ты не дурак, а ты не дурак, иначе не сидел бы здесь, то прислушаешься к ним.

Мужчина поймал застывший взгляд Тиса.

- И вот что я тебе скажу. Эльфам верить нельзя. Они могут казаться дружелюбными, даже заботливыми. Они помогут тебе, спасут жизнь, вылечат неизлечимую болезнь, пообещают знания и силу, но на самом деле гнили в них куда больше чем искренности. Они как

благоухающие духами проститутки, скрывающие запах гниющей от трупной болезни кожи.

Из-за дурмана или по какой то иной причине, глаза Плетя затуманились. Он продолжал говорить, но его взгляд блуждал где то далеко, в вязкой трясине собственных воспоминаний.

- Длинноухие никогда ничего не делают просто так. У них есть долгоидущие планы, сулящие им в сто крат превосходящую затраченным усилиям выгоду. И раз эти усилия были потрачены на тебя то и выгоду им принесешь именно ты, а вместе с ней твоя жизнь превратится в ад и ты до последних секунд агонии не поймёшь кто в этом виноват.

Жутким зудом свербило желание возразить, но Тис слушал молча, не желая прерывать разговор и выводить работорговца из состояния отреченного безразличия, не зная чем это может кончиться.

- Ты не первый и не последний загнанный в ловушку лицемерия. Но ты сильный и в тебе есть недюжинная воля к жизни. Твои глаза горят огнем, яростью, решимостью. - Плеть прищурился, всматриваясь вглубь зрачков Тиса.

- Ты ведь прокрутил у себя в голове все открывшиеся тебе способы сбежать. И не просто сбежать, а помочь остальным. Возможно и меня прикончить хотел, не так ли?

Тис невольно поджал губы и напрягся всем телом, готовясь к прыжку.

- В этом нет ничего такого, ты ведь дикий зверь, не привыкший сидеть в клетке, в этом ты похож на них. Но ты не они. Ты - человек. Ты умеешь быть благодарным, верным, самоотверженным. Вступай в мою коудлу. Не обещаю что ты быстро вольешься в ряды этого сброда, первое время тебе будет очень не просто, но если хорошо себя покажешь, сможешь встать рядом со мной. Ну, что скажешь?

Тис вздрогнул, осознав смысл предложения. Секунду он смотрел на работорговца широко открытыми глазами, но быстро взял себя в руки и нахмурил брови. Он не мог воспринимать это предложение никак иначе как насчмешку.

- Нет? - Нисколько не удивился Плеть. -

Не часто мне отказывают. И не смотри так. Я не умею читать мысли, по крайней мере те, что не написаны на лице. По твоим глазам все видно. Учись скрывать эмоции, иначе это тебя подведёт. Рано или поздно. Да и твоим будущим хозяевам такая непрекрытая ненависть вряд ли понравится.

Плеть легко поднялся, как будто вовсе не курил тяжёлый дурман во время разговора, чего нельзя было сказать о поднявшемся следом, пошатывающемся мальчишке.

Весь шатер пропитался дымом, имеющим более слабый, но все же наркотический эффект.

- Чтож, раз так, тебе дорога обратно в клетку!

Последнее слово плетя выделил голосом и предназначалось оно скорее для ящера, тут же вошедшего в шатер, чем для пытавшегося устоять на ногах Тиса.